Легко ли быть Миротворцем

Вячеслав Воробьев

SHOUT
SHARE
IT

- Воробьев Вячеслав

Воробьев Вячеслав
Легко ли быть Миротворцем

Вячеслав Воробьев

Легко ли быть Миротворцем?

Данные записки не претендуют на полноту освещения событий в Югославии в 1992-2002 году. Автор связан требованиями принципа беспристрастности Миротворца и обязательствами сохранения служебной тайны. Поэтому, он сознательно избегает политических оценок и приводит минимум иллюстрирующих фактов, т.к. они могут быть использованы для разжигания национальной розни. Главная тема записок - сама профессия Миротворца, портреты людей, которые находятся в самом эпицентре кровавых политических событий и рассказ о том, с чем приходится им сталкиваться при осуществлении своей миссии.

Так случается порой, что судьба вдруг совершает неожиданный зигзаг и в корне меняет стиль и темп твоей жизни, твои представления о мире, да и тебя самого. Такое "землетрясение" в моей милицейской работе произошло летом 1992 года.

Начало 90-х годов. ГКЧП, "похороны" СССР, траурное шествие по стране экономического кризиса, появление в обиходе и прочувствование на собственной шкуре новых для нас явлений - безработицы, приватизации, инфляции... И пока еще где-то там, впереди - возрождение в политических муках новой Российской государственности.

В этот, казалось бы, совершенно неподходящий момент Российское правительство принимает решение об участии в миротворческих миссиях Организации Объединенных Наций в горячих точках планеты и о предоставлении для этих целей своих воинского и полицейского контингентов. Большинство развитых стран мира занимались миротворческой деятельностью с момента создания ООН, а вот Россия, к сожалению, припозднилась на 45 лет. Но уж лучше позже, чем никогда...

Первой согласованной с ООН горячей точкой для проверки российских миротворцев стали Балканы, а точнее, республика бывшей Югославии - Хорватия, которую с осени 1991 года захлестнула гражданская война.

... Июль 1992 года. Майорские погоны. Ежедневная рутинная работа в должности заместителя командира отдельного батальона патрульно-постовой службы милиции. Каждый

четвертый день столь "любимое" почти круглосуточное "дежурство по городу" с многократной проверкой патрульных нарядов на маршрутах и постах. Постоянные выезды на ЧП (грабежи, разбои, массовые драки, т.д.), иногда с погонями "как в кино". Чувство усталости и предвкушение скорого отпуска.

И вдруг, неожиданный вызов в УВД с предложением поехать в миротворческую миссию ООН на Балканы в качестве полицейского наблюдателя представителя России. Требования просты - свободное владение английским языком, умение хорошо водить машину, не менее 5 лет опыта практической правоохранительной деятельности, хорошее здоровье и главное - желание послужить миру. На обдумывание - один день.

Наверное, ни одно из важных жизненных решений не давалось мне столь тяжело, как согласие поехать в эту миссию. Было над чем призадуматься. Ведь ехать приходилось практически на войну, о логике и динамике которой не было ни малейшего понятия. Дома оставались двое малолетних дочерей, которых никак не хотелось подвергать риску стать сиротами, родители были против, некоторые коллеги многозначительно крутили пальцем у виска....

И все же я решился. Видимо есть во мне что-то от авантюриста, искателя приключений. Мир посмотреть, себя показать. И главное: хотелось проверить себя - способен ли? Деньги? Тоже немаловажный вопрос. В миссии обещали платить командировочные валютой, и верилось, что что-то удастся сэкономить и привезти домой для пополнения семейного бюджета.

И вот Москва, Главное управление кадров МВД России. В небольшой комнате несколько таких же, как и я, смущенно-потерянных офицеров милиции - майоров и капитанов. Один из Орла, один из Тамбова, один из Рязани, один из Калуги, один из Краснодара. В то время сотрудников со свободным владением английским языком в Российской милиции было очень немного. И еще 7 долгих лет я буду единственным представителем Калининградской милиции в российском контингенте международной полиции ООН. Но тогда я этого еще не знал. А в тот день у всех нас, будущих коллег и членов миротворческого братства, тревожил один и тот же вопрос: к чему нам готовиться и что с нами будет там, на балканской гражданской войне.

Но прежде, чем мы туда попали, пришлось изрядно попотеть в Москве, сдавая в министерстве экзамен по английскому языку, проходя полное медицинское обследование, отрабатывая около 400 психологических тестов и оформляя кучу необходимых для работы в миссии ООН документов.

И вот - надрывный гул взлетающего курсом на Вену самолета, и очертания Москвы медленно тают за пеленой провожающих нас в неизвестность облаков. На душе тревожно и зябко, думается о доме, родных и близких.

Рядом в кресле сидит капитан внутренней службы из Орла Сергей Шипилов, с которым мы станем друзьями на долгие годы, с которым рука об руку пройдем сквозь огонь и пламя четырех миссий, проведя вместе на Балканах в общей сложности более 5 лет. Через 7 лет Сергей станет первым командиром российского полицейского контингента в Косово, я - его заместителем, а по возвращении из Косово Сергей сам возглавит подразделение МВД по подготовке российских миротворцев. Все это будет потом, а пока он под мерную песню двигателей задумался о чем-то своем, наверное, тоже о доме.

Ни красавица Вена, ни дальнейшие пересадки на еще один самолет, а потом на автобус, следующий в столицу Хорватии Загреб как-то не запомнились. Наверное, потому, что было много дорожной суматохи по поводу багажа, который кроме наших личных вещей и снаряжения включал еще пищевые термоса и тяжеленные бронежилеты для ребят из первой группы, заехавшей в миссию за три месяца до нас.

После прохождения в штабе международной полиции ООН в Загребе двухдневного входного инструктажа мы получили свои первые назначения. Мы с Сергеем были распределены на станцию международной полиции в Костайницу, в то самое местечко, где несколькими месяцами ранее бесследно пропали двое российских корреспондентов "Комсомольской правды". Позже мы видели их валяющуюся на обочине в траве сожженную машину. Каких-либо следов самих наших земляков в период нашей службы в Костайнице отыскать не удалось. Через пару лет в средствах массовой информации прошла сообщение, что они оба были расстреляны сербами. Но насколько оно было правдивым, каковы настоящие обстоятельства их исчезновения, так и осталось тайной. Ни тел, ни места захоронения также найдено не было.

Следует сказать, что все территории, где размещались полевые станции международной полиции ООН, формально принадлежали Хорватии, но находились под контролем сербов. Годом ранее, во время отделения Хорватии от Югославии, сербская часть населения Хорватии не поддержала этого политического хода руководителей хорватской республики и взялась за оружие. Хорватская администрация из мест компактного проживания сербов была изгнана и на "освобожденных от хорватов" хорватских территориях была провозглашена независимая республика - Сербская Краина,

занимавшая приблизительно третью часть Хорватии.

Естественно, хорваты не склонны были смириться с подобной ситуацией, тем более что под контроль сербов перешли важные в стратегическом и экономическом отношении территории. Кроме того, в Сербской Краине осталось проживать много этнических хорватов, не пожелавших бросить на произвол судьбы свои дома, которые строили их деды и прадеды и где выросли несколько поколений детей.

Таким образом возникла ситуация вооруженного противостояния хорватов и сербов с регулярными минометно-артиллерийскими перестрелками на линии разграничения. К тому же, обе стороны активно использовали диверсионные группы, как для уничтожения военных объектов в тылу противника, так и для третирования мирного населения. Для прекращения этих акций и недопущения широкомасштабных военных действий на линиях разграничения были размещены войска ООН, а во внутренние территории Сербской Краины были введены подразделения международной полиции ООН. Войска ООН были вооружены по полному штатному расписанию. Подразделения полиции ООН не были вооружены вообще: ни оружия, ни дубинок, ни наручников. Для самозащиты - только кулаки.

При этом, основными задачами международной полиции являлись: осуществление надзора за положением этнических меньшинств на территории Сербской Краины; полный гласный контроль за работой местной полиции на всех уровнях; выявление фактов нарушений прав человека, незарегистрированных или специально скрытых преступлений; частичный контроль за перемещением воинских подразделений и военной техники (основной контроль осуществляли военные наблюдатели); помощь беженцам и перемещенным лицам; помощь в сопровождении конвоев и распределении населению гуманитарной помощи; оказание содействия другим службам и подразделениям ООН в работе с гражданским населением. В реальной действительности этих направлений работы оказалось намного больше.

Из штаба миссии к месту службы нас везли на машине. Пока ехали по внутренней хорватской территории с интересом разглядывали встречных людей, пробегающие мимо пейзажи чужой страны, к счастью еще мирные. Как только подъехали к линии военного разграничения, по спине поползли мурашки. Справа и слева по дороге - обугленные остовы разбитых, искореженных, перевернутых гражданских и военных машин, расстрелянные, сожженные и взорванные дома, воронки от

разрывов снарядов и гранат. Везде многочисленные следы попадания пуль: на буквально изрешеченных дорожных знаках, на уцелевших стенах домов, на ограждении мостика через небольшую речушку, на валяющейся у обочины дороги детской коляске... И запах - страшный запах недавних боев, смесь пороха, гари, опаленной земли и человеческой крови.

Сейчас в России уже никого не удивишь такими картинками. Все вдоволь насмотрелись телевизионных репортажей из Чечни. Но тогда на нас, вырванных неожиданным вихрем из спокойной мирной жизни, эти картины произвели эффект ледяного душа. За 5 лет работы на Балканах мы увидим тысячи подобных картинок, в какой-то степени даже привыкнем к ним. Хотя к этому, как к слезам ребенка, нельзя привыкнуть.

Вот и наша полицейская станция, - две комнатки в бывшем баре. Наш первый командир - датчанин Эрик Стремберг, спокойный пожилой человек, полицейский-профессионал со стажем. Коллеги по работе - офицеры полиции из Дании, Польши, Португалии, Бангладеш, Кении, Колумбии, Непала, Нигерии. И вот теперь двое русских. Всего около 20 человек. Восемь переносных радиостанций, две печатные машинки. Четыре белые машины с большими знаками UN на бортах и на крыше, из которых две - русские уазики, причем почти новенькие.

Последнему факту мы были крайне удивлены, но позже узнали историю появления наших военных машин в автопарке полиции ООН. Как оказалось, после падения Берлинской стены и начала процесса объединения Германии, Бундесвер отказался использовать армейскую технику бывшей ГДР, в основном советского производства. Тогда и было принято соломоново решение: передать автопарк машин общего назначения бывшей армии ГДР в распоряжение ООН.

Первые дни службы - как в тумане. Все так необычно. Постоянное огромное внутреннее напряжение и на службе и вне ее. Как ни готовили нас в Москве ко встрече с реальным разговорным английским, все равно есть только один реальный путь овладеть им: практика, практика, практика! Чего нам катастрофически не хватало. Я буквально с ужасом обнаружил, что английский существует в десятках "вариантов", от абсолютно "нечитаемого ухом" прерывисто-пулеметного ирландского, до проглатывающего половину звуков африканского. Как оказалось, значительные "белые пятна" были у меня и в знании специальной английской полицейской терминологии, порядка радиообмена и т.д.

В результате половина переговоров в радиоэфире, указаний, распоряжений, приказов руководителей штаба и станции были

непонятны или понятны отчасти. Приходилось, переступая через неловкость, многое переспрашивать, уточнять по несколько раз, чтоб быть уверенным, что ты все понял правильно. Иного выхода не было, т.к. ценой даже маленького недопонимания важного сообщения или срочной информации для коллег в патруле могла стать их жизнь.

В этой ситуации мне очень помог мой друг Сергей Шипилов. Уровень его английского языка был и до сих пор остается самым высоким в контингенте российских миротворцев. Так что, у меня "под боком" был квалифицированный консультант. Именно Сергей, а не советские школы-институты, сформировал надежную базу моего профессионального английского языка и помог в короткий срок восполнить пробелы в языковой подготовке.

Каждый день на станции бесконечная очередь посетителей - местных жителей. Кто-то ищет своих родных: матерей, отцов, сыновей, дочерей, пропавших в ходе недавних военных действий. Кто-то сообщает о появлении в их районе и бесчинствах диверсионных групп, о подрывах на минах. Кто-то жалуется на бездействие или несправедливость местной полиции. Кто-то просит о помощи голодным или заболевшим детям. Кто-то умоляет вывезти срочно его семью через границу, т.к. неизвестные бандиты обещали их всех вырезать. И так всю смену - в людских проблемах, в человеческом горе. Поэтому, каждое восьмичасовое дежурство давалось огромным нервным напряжением.

Костайница является приграничным городом, ее делит на две части быстрая и холодная река Уна. Наш берег - это Сербская Краина, тот берег - уже другое государство, Босния. Соединяет два берега красивый мост. Местные жители свободно ходят через мост туда-сюда, а нам пересекать мост категорически запрещено. Быть на том берегу, в другом государстве у нас, иностранцев нет мандата и полномочий.

Мы с Сергеем разместились на постой в двух комнатах в домике у гостеприимной сербской семьи - Миле и Драгицы. Дети у них уехали, спасаясь от ужасов гражданской войны. Они же решили рискнуть и остаться, чтоб сохранить для детей дом. Надеялись, что судьба их пощадит и вернет мир на их страдающую землю.

Но судьба не пощадила. Через три года, в 1995 году хорватские вооруженные силы атакуют эту территорию, и сербская оборона рассыплется в два дня. Мы знаем только, что Миле и Драгица в числе тысяч сербских беженцев под артобстрелами и бомбежками бежали в Сербию, но добрались ли они в Белград живыми, не знаем. Немало людей погибло тогда в

мясорубке военных действий, были среди них и международные полицейские ООН.

Каждый вечер, как только на землю опускается мрак, на обоих берегах в городе и округе начинается спорадическая стрельба. Света нет, воды тоже. Вокруг - черная зловещая темнота. Всякий раз, когда открывается эта вечерне-ночная канонада, невольно вздрагиваешь, и голова сама втягивается в плечи. Первые несколько ночей не заснуть. Через две недели сон приходит, только если слышна стрельба. В тишине заснуть абсолютно невозможно.

Днем тоже приходилось вести себя очень осмотрительно, округа напичкана тысячами мин и нам категорически запрещалось сходить с асфальта. Нередки были случаи, когда подвыпившие сербские солдаты брали нас на мушку или стреляли в воздух за спиной, проверяя нашу реакцию. К счастью, все-таки не убивали. В общем, скучать не приходилось...

Вспоминается один курьезный случай, произошедший со мной в один из первых дней пребывания на станции. Как я уже говорил, представители российской милиции впервые приняли участие в миссии ООН вообще и на Балканах в частности. Большинство иностранцев до этого никогда не видели русских и относились к нам очень настороженно. Но любопытство брало свое...

В один из вечеров, идя на ночную смену, я услышал позади себя шепот двух кенийцев, работавших также у нас на станции. Один из них объяснял другому, что впереди идущий человек - настоящий русский полицейский. Второй выражал сомнения, поскольку, по его мнению, русские должны быть очень большими, злыми и коварными. Они следовали за мной до самой станции, а там сомневающийся кениец молча подошел и осторожно дотронулся до моего плеча, проверяя мою реакцию и заодно оценивая, - являюсь ли я "Homo sapience". При этом, на его лице было написано столько страха и любопытства, что я не выдержал и рассмеялся. Позже мы стали добрыми приятелями.

Из непродолжительного времени работы на этой станции самым запомнившимся для меня эпизодом осталось выполнение специального задания штаба миссии.

Дело в том, что в разгар гражданского конфликта в Хорватии наблюдатели ООН отметили появление опасных тенденций в развитии ситуации в соседней Боснии и Герцеговине, где дело тоже шло к гражданской войне. Руководство ООН приняло решение провести подготовительные мероприятия на случай появления необходимости срочного ввода войск ООН на территорию этой страны. В частности, необходимо было

разведать возможность прохода техники войсковых подразделений ООН через малоиспользуемые лесные, проселочные и горные дороги и дорожки на более чем 600 километровом протяжении Хорвато-Боснийской границы. Для выполнения этого задания выбрали датского офицера полиции Ларса Руби и меня. К тому времени я уже сносно говорил на сербо-хорватском языке и нередко в дополнение к своим прямым служебным обязанностям на полицейской станции выполнял функции переводчика.

Нам выделили белый уазик, сухой паек на неделю, подробную карту района поиска, забрали наши полицейские документы. По легенде прикрытия на случай обнаружения или ареста боснийской стороной мы должны были играть роль заблудившихся работников средств массовой информации по линии ООН.

В течение 6 дней мы кропотливо исследовали все лесные и проселочные дороги, даже козьи тропы, ведущие в сторону границы Хорватии с Боснией. При каждом обнаружении такой дороги, иногда сильно заросшей травой и заваленной обломками деревьев, мы в первую очередь пытались выяснить у местных жителей на хорватской стороне, куда идет эта дорога, может ли машина пройти по ней, есть ли риск нарваться на мины или снайпера на той стороне. Опрашивали также персонал приграничных наблюдательных постов войск ООН, у них же останавливались на ночевки.

При начале практического обследования каждой дороги, прежде всего, обращали внимание на наличие на ней следов проезда телег, прохода скота, и т.п. Если такие следы были, мы осторожно ехали по этой дороге вперед до тех пор, пока не обнаруживали, что она завела нас в тупик, в какую-то горную боснийскую забытую богом деревеньку, или пока не обнаруживали впереди минное поле. А если повезет, то пока наша тропа не соединялась уже на территории Боснии с более-менее цивилизованной дорогой.

Если вышеописанных следов не было, или мы знали об активности боснийских снайперов в обследуемом районе, то мы разделялись. Один из нас в голубом бронежилете и голубой каске с высоко поднятым ооновским флагом в руках медленно шел вперед по дороге, внимательнейшим образом осматривая дорогу на предмет наличия следов установки мин. Другой также в бронежилете и каске ехал вслед за впереди идущим на машине на дистанции прямой видимости. Через каждые 200-250 метров менялись, т.к. из-за огромного внутреннего напряжения и пребывания в бронежилете на 35-градусной сентябрьской

боснийской жаре одежда мгновенно становилась мокрой, да и нервы вытягивались в струну. Записки родным заранее были написаны и переданы друг другу на случай, если одному не повезет, а другой выживет.

Однажды после километрового марша таким манером мы вышли к красивому горному лугу, на котором увидели подорвавшееся на минном поле стадо коров. Более сотни животных, растерзанных минами на куски или изрешеченных осколками лежали на поле. Стоял дикий смрад. Куски внутренностей животных висели на редких и жидких кустиках. Меня вырвало, моего напарника тоже. Как нам не было тяжело и противно, пришлось ехать по этой дороге дальше. Задание есть задание.

Три дня все складывалось для нас удачно. На четвертый день боснийцы нас все-таки заловили. Мы, как и предписывала легенда, прикинулись "блудными сынами ООН", просили показать нам дорогу в Хорватию. Когда боснийцы стали обыскивать нашу машину, нас с Ларсом прошиб липкий пот. Если бы они нашли карту границы с нашими пометками, спрятанную под ковриком водительского сиденья, я думаю, мы могли бы рассчитывать на серьезные неприятности. Но, к счастью, пронесло. Не обнаружив при нас и в машине ничего подозрительного и продержав нас в качестве задержанных около трех часов, боснийцы выдворили нас обратно в Хорватию. Обращались с нами в ходе допросов и обысков очень корректно, уважая наш ооновский статус.

В конце концов, мы успешно закончили выполнение этого задания, обнаружив и зафиксировав около 30 лесных, полевых и горных дорог, по которым военная техника ООН могла бы просочиться в Боснию.

Заросшие, грязные, с воспаленными глазами, измотанные нервно и физически мы вернулись на свою сразу ставшую такой родной и милой сердцу полицейскую станцию.

Через три месяца после приезда в Костайницу, мое ооновское руководство "без меня меня женило". Не спросив мое мнение, меня назначили командиром другой полицейской станции, где я понял "почем фунт лиха" и за что ООН платят деньги. Моей новой семьей стал коллектив из 26 человек из 14 стран мира. Половина из моих подчиненных, к сожалению, почти не разговаривали на английском, я до сих пор не понимаю, как им удалось попасть в миссию. В этих условиях, чтобы обеспечить работоспособность станции, я вынужден был прибегать к нестандартным методам.

Так, например, чтобы быть уверенным в том, что мои подчиненные полностью поняли требования, усвоили план работы на день и меры личной безопасности в ходе ее

выполнения, совещания и инструктажи приходилось проводить в несколько этапов. Я выбрал среди моих коллег-полицейских одного француза, одного аргентинца и одного иорданца, сносно говорящих на английском в качестве переводчиков. В ходе выступления произносил две-три фразы на английском и давал время моим переводчикам перевести сказанное соответственно на французский, испанский и арабские языки. Через такую же схему мне поступали вопросы и доклады о выполненной работе от подчиненных.

Проблемы в работе возникали на ровном месте. Так, например, в начале зимы бангладешцы и египтяне категорически отказались садиться за руль ооновских машин, поскольку они не имели никакой практики вождения машин в зимних условиях. Мое предложение провести краткий курс обучения вождения на снегу и обледенелой дороге они отвергли. Следует отметить, что дороги в Югославии зачастую очень плохие, особенно в горных районах. Иногда они бывают настолько узки, что две машины, встретившись на такой дороге, не могут разъехаться. И водитель одной из них вынужден включать заднюю скорость и пятиться несколько километров назад, пока не отыщется местечко для разъезда. Понятно, что вождение машины по таким горным дорогам вблизи пропастей и обрывов было рискованно даже летом, а по зиме на это решались только самые отчаянные и смелые.

Мой заместитель датчанин заявил, что не сядет за руль русского уазика, поскольку это - тяжелая и очень некомфортная машина. Нужно сказать, что большинство полицейских не любили наши уазики за сквозняки, малую скорость и сложность в управлении. Вместе с тем, с ними мирились, поскольку, как показала практика, у них было свое преимущество перед комфортабельными европейскими джипами и седанами. При подрыве уазика на противопехотной мине, у экипажа оставался шанс выжить за счет более толстого железа кузова и негерметичности салона. Последнее важно для прохождения ударной воздушной волны. Несколько месяцев ранее такой уазик спас жизнь нашему полицейскому наблюдателю Александру Чуткерашвили. Вместе с канадцем он был на патруле, когда их машина наехала на мину. Машина сильно пострадала, Александр был ранен в ногу и подбородок, канадец был сильно контужен, но главное, оба остались живы. На других машинах последствия всегда были более страшными...

Несколько позднее, в экстремальной ситуации мне удалось доказать еще одно значимое преимущество российской машины - техническую надежность, и тем самым несколько восстановить ее

"реноме" в глазах иностранцев. На одном из наших уазиков заклинило коробку передач на четвертой скорости. Для ремонта ее нужно было каким-то образом переправить по горным дорогам на базу технического обслуживания, расположенную в 88 километрах от нашей полицейской станции. Специальных машин для эвакуации у нас не было, как не было и достаточно мощной патрульной полицейской машины, способной отбуксировать уазик по горам на такое далекое расстояние. Я хорошо знал возможности этой машины еще с мальчишеских лет, когда с разрешения солдата-водителя и втайне от отца, командира части, водил его служебный уазик в военном гарнизоне. Я решил гнать машину на ремонт на собственном ходу на заклинившей четвертой скорости. Все водители на станции отказались это делать, и я взялся осуществить это самостоятельно. Никто не верил в успех этой операции. Но я сделал это, хотя на двух затяжных горных подъемах мой уазик чуть-чуть не заглох, едва не похоронив свою и мою репутацию.

Много разных событий, и радостных и тяжелых, произошло на нашей станции. Последние почему-то запомнились лучше. Одним из них была эвакуация станции в связи с угрозой военного удара хорватов по нашей подконтрольной территории.

Эвакуация - самое страшное слово для полицейского миротворца. Оно означает, что в воздухе запахло порохом, все летит в тартарары и ты, любой ценой, бросив все и вся, должен спасать свою жизнь. В феврале 1993 года я получил в штабе секретную информацию о готовящемся ударе хорватов. Было приказано: в течение двух часов эвакуировать весь персонал станции в безопасную зону. Эвакуацию требовалось провести быстро и секретно, чтобы не вызывать паники у местного населения. Нелегко поставить такую задачу, но еще тяжелее ее выполнить. Я попросил руководство миссии разрешить мне оставить на станции пятерых самых надежных и грамотных полицейских офицеров, которые могли бы покинуть станцию и эвакуировать секретные документы в самый последний момент. Я понимал, что было очень важно попытаться сохранить полицейскую станцию в работоспособном виде хотя бы еще на некоторое время, поскольку она была последней надеждой для многих местных жителей, попавших в жернова гражданской войны.

Вернувшись на станцию, я собрал весь личный состав и, объяснив ситуацию, приказал немедленно собрать вещи, расплатиться с хозяевами квартир, а как только наступит темнота - на всех имевшихся машинах по разным маршрутам покинуть контролируемую территорию. Пятеро: двое русских, один

датчанин, один иорданец и один поляк остались добровольцами на станции готовить эвакуацию секретных документов и ждать того самого последнего момента. Было ясно, что отъезд такого количества ооновских машин и персонала не пройдет незамеченным местными военными и полицейскими. Они контролировали нас также тщательно, как и мы их. Поэтому, я распорядился оставшимся добровольцам принести на станцию чайник, чашки, еду. Мы накрыли чайный стол и вальяжно расселись на станции. Через пять минут после отъезда последней машины с эвакуирующимся персоналом в помещение станции вломилась группа сербских полицейских, вооруженных автоматами. Последовал ожидаемый вопрос: "Почему происходит эвакуация персонала?" Руководством миссии мне было категорически запрещено передавать сербской стороне информацию об эвакуации и ее причинах. Тем более, что ООН предпринимала отчаянные попытки предотвратить начало военных действий путем переговоров с хорватской стороной. И как выяснится позднее, к счастью, преуспела в этом.

Но в тот момент нам пришлось заняться "театральной деятельностью". Я объяснил пришедшим, что никакой эвакуации нет, идет плановая ротация персонала. "Вы же видите: станция открыта и мы мирно пьем чай". Мы даже пригласили их присоединиться к нашей компании. Думаю, они поняли, что это была игра, но формально прицепиться им было не к чему. К счастью, хорватское нападение так и не состоялось. В результате этой истории, в течение последующих двух месяцев нам пришлось впятером обеспечивать круглосуточную работу полицейской станции и прием местного населения, работая сменами по шестнадцать часов в сутки. Это был самый тяжелый период за всю мою жизнь.

Нужно отметить, что в целом у нас, ооновцев, сложились неплохие отношения как с местным населением, так и с руководителями и персоналом местных административных структур, в том числе военными и полицией. Несмотря на то, что мы постоянно контролировали их работу, они не относились к нам, как к врагам. Русских и поляков вообще звали "братушками". Территория Сербской Краины была экономически блокирована, магазины пусты, не работали предприятия, вода и свет с большими перебоями. Не было топлива на автозаправках, очень трудно с медикаментами, инфляция составляла до 100-200 процентов в месяц. Поэтому мы старались оказывать нашим "поднадзорным коллегам" всяческое содействие - и продуктами, и топливом, и транспортом, и профессиональной помощью. Нередко и нам приходилось обращаться к ним за помощью.

В условиях военного положения на территории Сербской Краины ни у сербов, ни у хорватов не было стройной и единой военной структуры и командования. Существовал ряд полувоенных полевых отрядов, командиры которых порой вели себя, как удельные князьки. Случалось, что наши патрули, попадая в зону ответственности подобных отрядов, задерживались ими или становились объектом для различного рода провокаций. Запомнился случай, имевший место весной 1993 года, когда такой отряд пытался захватить наш патруль на автомобиле. В машине было несколько наших ооновских полицейских, в том числе один россиянин, калужанин Александр Фокин. Именно он не потерял самообладания перед толпой остановивших их машину подвыпивших, одетых в полувоенную форму, вооруженных автоматами сербов. Пока они демонстративно окружали машину, он связался по радио со станцией и кратко обрисовал ситуацию. Мы сразу же проинформировали об инциденте местные военные и полицейские власти и стали в отчаянной спешке организовывать совместную с ними группу для освобождения захваченного неизвестно кем и почему нашего патруля. В это время Александр вел переговоры с захватчиками, стараясь с одной стороны удержать их от прямого вооруженного нападения на патруль, и с другой стороны пытаясь выиграть время, чтоб дать нам возможность принять меры к освобождению. Одновременно он пытался незаметно связываться с нами по радио, чтоб давать нам знать о развитии ситуации. Это были опасные попытки, поскольку он получил приказ от захватчиков не прикасаться к радиостанции. Более часа, в предельном нервном напряжении, он "тянул на себе" ситуацию, пока не удалось разрешить этот конфликт. На станцию ребята вернулись выжатые, как лимоны. Мы тоже вытирали холодный пот со лба.

Но не всегда подобного рода инциденты заканчивались благополучно.

Летом 1993 года напряженность в военном противостоянии сербов и хорватов опять стала возрастать. Сербы стали вести себя более агрессивно и в отношении ООН, возлагая, видимо, на ООН вину за неудачи в разрешении гражданского конфликта в Хорватии. Особенно неприязнь усилилась после того, как хорваты на юге Сербской Краины атаковали очень важный в стратегическом отношении мост в местечке Масленица, охраняемый французским батальоном войск ООН. Вместо того, чтоб принять бой и отбить нападение, французы отошли. В результате по этому мосту хорваты прорвались в несколько сербских деревень, где в ходе боевых действий погибло много как

военных, так и гражданских сербов. Количество провокаций со стороны сербов в отношении персонала ООН резко возросло. Неизвестные бандиты в военной форме стали захватывать ооновские машины, избивать находящихся в них сотрудников ООН, отбирать находящиеся при них вещи и деньги, иногда даже заставлять снимать всю одежду. Иногда объектами таких нападений становились и наши полицейские машины, т.к. бандиты знали, что мы не вооружены. Работа в патрулях стала вызывать у нас большое нервное напряжение.

В один из теплых первых июньских дней автопатруль в составе португальского и непальского офицеров полиции уехал навестить приграничную горную хорватскую деревеньку. Через час, когда на станции находились только я и дежурный, по радио пришло короткое, десятисекундное сообщение на плохом английском языке, что случилось ЧП, машина разбита, срочно требуется медицинская помощь. По акценту мы узнали непальца. Попытки выяснить детали происшедшего и, самое главное, местонахождение патруля оказались безуспешными. Как выяснилось позже, аккумулятор в машине в результате ДТП оказался частично поврежден, и энергия для работы радиостанции быстро убывала. К тому же, опять эта проклятая проблема с качеством английского языка, - непалец очень плохо владел им и ничего не мог объяснить. Что было с португальцем, мы не знали, позже выяснилось, что в это время он был без сознания.

В тот момент на смене в остальных патрулях были только недавно прибывшие на станцию сотрудники, не имевшие хорошего знания обслуживаемой территории. Я был единственным "стариком" и принял решение самостоятельно выехать на поиск попавшего в чрезвычайную ситуацию патруля. На станции оказалась свободной только одна машина - старенький "Гольф", который мы никогда прежде не использовали для поездок в горные районы. Но выбора не было. Ждать возвращения на станцию патрульных машин - значило терять драгоценное время. В ту горную деревеньку, куда направлялся патруль, вели несколько дорог.

Я выбрал для поиска ту, по которой, наиболее вероятно могла проследовать наша машина. К счастью, интуиция меня не подвела.

Патрульную машину удалось обнаружить в поле, далеко за пределами дороги, совершенно разбитую и покореженную, лежащую на боку. Водитель-португалец находился в ней. Он лежал неподвижно, без признаков жизни. Рядом с машиной, обхватив голову руками, весь в крови, в явном состоянии шока,

сидел непалец. Из его кратких сбивчивых объяснений удалось лишь понять, что за ними гналась красная гражданская машина с двумя одетыми в военную форму и вооруженных автоматами сербами, намерения которых были достаточно очевидны. Они с португальцем решили попытаться оторваться от преследователей и уйти под защиту находившегося в трех километрах впереди по дороге приграничного блокпоста польского батальона войск ООН. Они увеличили скорость, но не смогли вписаться в крутой поворот. Машина перевернулась, слетела на обочину и сделала с десяток кульбитов через крышу. Преследователи приостановились на несколько секунд на дороге напротив перевернувшейся машины и затем скрылись. Благодаря тому, что аккумулятор машины еще работал, и рация оказалась цела, он успел передать сообщение на станцию.

Поняв, что непалец, хоть и в шоке, но серьезных ранений не имеет и может еще потерпеть, я кинулся к португальцу. Тот был без сознания, но живой. Дыхание его было сиплым и каким-то прерывистым. Минут десять мы с непальцем пытались выломать заклинившую дверцу машины, чтоб вытащить его. Наконец с помощью камней, монтировки и колесного ключа кое-как удалось выдрать заклинившую дверь. Но это не очень облегчило нашу задачу, так как ноги португальца оказались зажатыми деформированным железом кузова машины. При малейшем прикосновении к его телу португалец сильно стонал, а при попытке вытягивать его из машины стоны переходили в крик. Мы видели, что причиняем ему сильные физические страдания, но у нас не было иного выхода, чтоб спасти его. Под эти стоны и крики мы все-таки сумели высвободить его ноги и вытащить португальца из разбитой машины. На руках я отнес его к "Гольфу" и кое-как впихнул в свою малолитражку на заднее сиденье. Непалец сел рядом, поддерживая его голову.

Я не медик и не умею ставить диагнозы. Но мне было понятно, что жизнь с каждой минутой уходит из моего коллеги и подчиненного. Он стал впадать в беспамятство, что-то бормотал сквозь стоны, на посиневших губах выступила розовая пена.

Никогда в своей жизни, ни до этого случая, ни после него, я не гнал машину по горной дороге на такой сумасшедшей скорости, как в тот раз. Наверное, я мог на равных поспорить тогда с водителями "Формулы-1". Впервые для меня столь остро и определенно была поставлена на карту жизнь конкретного человека. Не помню как, но по пути я еще умудрился связаться по радио со штабом и переругаться с ними по поводу необходимости вызвать на станцию вертолет. Для меня самого все это было, как в лихорадочном полусне. Помню, что влетел на машине на плац в

месте расположения пункта управления роты пограничной охраны польского батальона войск ООН, что-то кричал солдатам по-русски, по-английски и по-польски. Они быстро забрали из машины и унесли куда-то в палатки и португальца, и непальца. К счастью, там оказался полевой перевязочный пункт, немного медикаментов и какой-то доктор...

В этот же день на вертолете обоих моих коллег эвакуировали в центральный госпиталь ООН в Загреб. Непалец через некоторое время вернулся на станцию продолжать службу. Португальцу сделали несколько сложных операций, я пару раз навестил его в госпитале, но на станцию он больше не вернулся. Память долго хранила лица и имена этих ребят, но сейчас помню только лица, имена стерло время. Хотелось бы верить, что они тоже помнят своего товарища- русского миротворца.

Много было еще эпизодов и эпизодиков, которые добавляли нам седых волос. Приходилось выезжать и на места подрыва людей на минных полях, и видеть следы "работы" в деревне диверсионных или обыкновенных бандитских групп. Было и ночное нападение пьяных сербов на нашу полицейскую станцию, с подожженной дверью и обещаниями всех убить. Были и ночные тревоги, и попытки угона наших машин, и угрозы физической расправы. У многих из нас до сих пор еще осталась привычка всегда садиться лицом к двери, даже днем плотно зашторивать окна, оставлять "контрольку" на входной двери и заглядывать под машину, прежде чем завести двигатель.

К счастью, у нас на станции не было ни одного случая гибели сотрудников. Но не все выдерживали постоянное психологическое напряжение. В результате были и нервные срывы, и затяжные алкогольные разрядки, и "поехавшие крыши". Нет, мы не были суперменами. Мы просто буднично делали свою работу, писали тысячи бумаг, иногда, как нам казалось, совершенно ненужных. Патрулировали территорию, разбирались с местной полицией при выявлении укрытых и нераскрытых преступлений, распределяли гуманитарную помощь, помогали беженцам, эвакуировали больных, беспомощных, разыскивали пропавших без вести...

Но самый главный смысл нашей работы был в том, что мы своим присутствием давали людям хоть маленькое, зачастую иллюзорное, но такое необходимое для жизни чувство защищенности, или было бы, наверное, правильнее его определить - неброшенности. Что означает приезд белой полицейской машины с буквами "UN" на борту в глухую югославскую деревеньку? Это и новости "с большой земли", и продукты питания из гуманитарной помощи, и возможность

передать письмо и записку родным. Это - шанс переправить роженицу в больницу, рассказать о вылазках бандитов, о болезнях скота, о проблемах с учебой детей, об отсутствии стройматериалов для ремонта дома, газет, медикаментов, школьных учебников, тетрадок, топлива для ведения сельскохозяйственных работ. Просто возможность увидеть новые лица, поговорить с людьми, которых не надо бояться и от которых не надо прятаться в лесу. А если еще удается привезти заветную весточку от родных или близких, помочь в чем-то важном, благодарности людей не бывает границ. Это очень трогает и печалит одновременно. Я помню, как простые, в большинстве своем пожилые люди из деревни бросались целовать нам руки, когда нам удавалось вывезти их из района боевых действий или спасти от бандитского беспредела. Они плакали и обнимали нас, как своих сыновей. За время моей работы на станции в Слуне, нам удалось переправить за пределы Сербской Краины около 400 хорватов, вынужденных из-за реальной угрозы их жизням покинуть родные места. Я думаю, что именно ради таких дел и стоит трудиться в миссии.

Наверное, у читателя возникнет закономерный вопрос: "Неужели вся миссия - это только напряженная работа, без продыха и перерыва?". Да, работы было много, в большинстве случаев она была связана с горем и страданиями людей. Это, конечно, негативно сказывалось на нашем психологическом состоянии. Но мы старались находить и находили моменты для отдыха, расслабления и шутки. Порой случайные комические моменты в работе отвлекали нас от тяжести происходящего.

Помнится, был у нас на станции дежурный офицер - нигерийский полицейский. За свои сорок пять лет он никогда в жизни не видел снега. И когда первые снежинки закружили за окном, он, как завороженный, стоял и смотрел на них. Потом он вышел на улицу и принес в ладонях небольшой комочек снега, подходил к каждому и с неподдельным удивлением, доверчиво глядя нам в глаза, спрашивал: " Ребята, это что - снег, да?" и очень сокрушался, что его жена и дети не могут ощутить эти снежинки на руках. Не помню, кто в шутку посоветовал ему отослать домой снег в письме. Он очень обрадовался этой идее и стал спешно искать конверт... Остановил его только наш громовой хохот, который спорадически продолжался весь этот день и всю последующую неделю.

Изредка случалось заниматься и спортом. Так, сербские полицейские пригласили нашу и близлежащие ооновские полицейские станции поучаствовать в турнире по футболу. Все мы с удовольствием ухватились за эту возможность хоть как-то

скрасить наше существование. К сожалению, все интернациональные полицейские футбольные команды "с треском" проиграли сербам с разгромным счетом. Остались лишь моральное удовлетворение от участия и воспоминания о хорошей послематчевой встрече за кружкой пива.

Иногда устраивались спортивные состязания и в военных подразделениях ООН. Нас, гражданских полицейских, тоже иногда приглашали участвовать. В апреле 1993 года британским военным батальоном был организован полумарафон бег на 22,5 километра. Я подал заявку на участие.

Каково же было мое удивление, когда на старте среди 80-ти участников я оказался не только единственным русским, но и вообще единственным полицейским. Как оказалось позже, других желающих заняться "лошадиным спортом" среди моих коллег-полицейских не нашлось. Так что пришлось нести на своих плечах "бремя ответственности" не только за российскую милицию, но и за всю полицию ООН. В свои тогдашние 37 лет мне пришлось вступить в спортивную схватку с высокими, длинноногими и молодыми британскими солдатами. Вы даже не можете представить, как "красиво" я смотрелся в их строю и сколько добрых шуток пришлось услышать в свой адрес. Тем не менее, мне отступать не позволила гордость и я все-таки добрался до финиша, заняв двадцать седьмое, считаю - почетное для моих седин место.. А около половины молодых и тренированных шутников сошли с дистанции... Об этом маленьком подвиге во славу российской милиции мне до сих пор напоминает гравированная спортивная медаль, хранящаяся в моей коллекции.

Год пребывания в миссии незаметно подошел к концу, и радостное предчувствие встречи с родным домом нарастало день ото дня. Последние дни ожидания перед отъездом шли невыносимо медленно.

С какими же впечатлениями я уезжал из миссии? В конце концов, я сделал для себя несколько важных выводов, которые по сути своей не изменились и в ходе последующих трех миссий. В течение всего периода работы я вольно и невольно сравнивал нас, русских, с представителями других национальностей. И пришел к выводу, что нам есть, чем гордиться. Мы намного работоспособнее представителей других наций. Там где цивилизованный швед или датчанин пасуют и зовут службу сервиса, мы молча засучиваем рукава и пытаемся чинить вышедший из строя автомобиль, печатную или копировальную машинку. В отличие от многих, мы всегда настроены делать дело до конца, не считаясь с личным временем, а порой личными

финансовыми тратами. Мы, определенно, люди более щедрой души и это располагает к нам остальных людей. Что касается профессиональной подготовки, то она никак не хуже маститой европейской или выспренной американской. В рискованных, конфликтных ситуациях россияне проявляют больше хладнокровия, выдержки и, не побоюсь этих слов, смелости и решительности. Видимо суровая советская действительность с детства воспитала в нас эти качества.

На этом можно было бы поставить и точку, но это было только начало. После Хорватии я участвовал еще в трех миссиях на Балканах.

Был 1995 год и страшный для меня день 19 сентября - мой второй день рождения. Это произошло всего лишь через несколько недель после моего приезда в миссию во второй раз. В то время, хорваты в ходе военной операции уже захватили Сербскую Краину и находились в состоянии военного противостояния с сербами на территории соседней Боснии.

Вместе с несколькими своими коллегами я приехал в Костайницу проведать свою первую балканскую "вотчину" и проинспектировать ооновскую полицейскую станцию. В течение первой половины дня мы благополучно завершили свою работу на станции и были приглашены на обед в расположение датского военного батальона. Обед был действительно хорош, но перед десертом на территории батальона стали неожиданно разрываться мины и артиллерийские снаряды. В тот день я в первый раз в жизни увидел, что такое паника. Солдаты запихнули нас в какое-то укрытие, сооруженное из металлических листов с наваленными на них мешками с песком. В укрытии нас оказалось человек десять полицейских, в том числе одна гражданская женщина - переводчица. Рядом со мной в укрытии оказался еще один россиянин, профессор из Краснодарского юридического института, подполковник милиции Александр Мельников. Ужас этого дня мы пережили с ним вместе до самого конца, работали вместе потом еще в трех миротворческих миссиях на Балканах, но никогда ни в общих компаниях, ни в ходе личных встреч не обсуждали пережитой в тот день в Костайнице бомбежки. Память протестовала против возвращения в то пекло...

Вой снарядов и грохот разрывов сливались в беспрестанный грохот, а мы ничего не могли понять - почему, откуда и за что нас убивают? Где-то рядом раздавались хлесткие удары ответных выстрелов из танков и артиллерийских орудий. Наше убежище постоянно вздрагивало и было впечатление, что оно вот-вот рассыплется.

Первое время казалось, что это какая-то фантасмагория, сон

и что это происходит не на самом деле и не с нами. А когда через час пришло холодное понимание того, что это все реальность и, может быть, последние наши ощущения на этом свете, - в душу медленно вполз животный ужас. Звук каждого приближающегося снаряда вдавливал в землю, и, казалось, сжимал каждого в маленький комочек. Было невероятно обидно умереть вот так глупо и, как нам казалось, по какому-то недоразумению. Верилось, что все это ошибка и этот ужас вот-вот должен закончиться. Но это продолжалось час за часом, и постепенно чувство страха дополнилось неудержимой дрожью и состоянием, близким к истерике. Честно признаюсь, очень хотелось жить. Какой-то внутренний инстинкт требовал выпрыгнуть из этого укрытия и бежать, сломя голову, куда глаза глядят, но только подальше от этого места. Но разум убеждал, что пробежать удастся не больше нескольких десятков метров. В этих внутренних метаниях и страшных ожиданиях прошло еще несколько часов. И потом наступило полное безразличие и отупение. Ни вой падающих снарядов, на грохот разрывов не вызывали больше никакой реакции, было абсолютно все равно. Сознание смирилось с неизбежным...

Много позже я пытался в книгах прочесть о подобной трансформации состояния людей в экстремальных условиях. Но нигде не нашел ничего похожего. Было ли это сугубо моей реакцией или типичным для всех остальных, я не знаю. Пережитыми ощущениями в то время никто из нас делиться не хотел. Да и сейчас вспоминать все это не доставляет особой радости. Эти двадцать часов, проведенные под обстрелом, были как бы отдельной кошмарной жизнью. В тот день одно из таких укрытий с 8 датскими солдатами было накрыто снарядом, почти все они погибли. Как выяснилось позже, всю перестрелку спровоцировали хорваты, разместившие свои танки и артустановки рядом с расположением датского батальона и открывшие огонь по боснийским сербам. Сербы ответили шквальным огнем, под который мы и попали.

На следующее утро, пользуясь небольшой паузой в артобстреле, нас вывезли из этого ада. В трех метрах справа и в пяти метрах слева от нашего убежища зияли огромные воронки от разрыва снарядов.

На память я забрал сантиметровый осколок снаряда из развороченного мешка с песком, лежавшего в 10 сантиметрах от моей головы и спасшего меня. Этот осколок и сейчас валяется где-то в моей коллекции, но искать его нет желания.

В течение последующего месяца я еще три или четыре раза возвращался на эту развороченную полицейскую станцию, чтобы

эвакуировать оставшееся оборудование и машины. Мы вывезли все, что можно было, едва не угодив под обстрел еще раз. Больше я никогда туда не ездил.

Через пару месяцев миссию в Хорватии закрыли, и я попал в Сараево, в Боснию, где шла широкомасштабная гражданская война. И все началось сначала: бессонные ночи, выстрелы снайперов, криминальный беспредел, страдания людей, бессмысленный поиск правых и виноватых.

Миссия только формировалась. На момент моего приезда она состояла из одной комнатки в здании Центральной Почты в Сараево, пяти ооновских машин, трех стареньких компьютеров и тридцати пяти полицейских. Ни одной станции международной полиции на территории страны, никаких связей с руководством воюющих сторон, слабое представление о динамике конфликта. Обычные для миссии "удовольствия" - отсутствие воды, света, тепла, полная разруха в инфраструктуре. И повсюду тысячи и тысячи мин.

Мне, с учетом моего предыдущего опыта была вверена служба тыла миссии. Целый последовавший год мы регулярными конвоями везли в миссию оборудование и материалы, перегоняли через горы конвоями сотни машин, подыскивали в разных городах страны помещения и открывали в них полицейские станции, обеспечивали их всем необходимым, решали вопросы разминирования, ремонта, снабжения водой, электричеством, связью, топливом и т.д.

Вторая миссия запечатлелась в моей памяти каким-то одним длинным однообразным серым ненастным днем. Каждый день изматывающая работа по четырнадцать-шестнадцать часов в сутки: дальние поездки по всей Боснии, бесконечные совещания и переговоры, организация конвоев, ежедневная битва за связь, топливо, прием и распределение оборудования. Порой после работы по возвращении в свой нетопленый "дом" не было никаких сил раздеться, и, несмотря на холод и голод, я прямо в рабочей форме падал на диван, чтобы прийти в себя только утром и опять возвращаться в круговерть бумаг, забот и проблем. Наша служба, все мои коллеги и подчиненные работали на износ. На прощальной вечеринке перед отъездом домой мы признались друг другу, что никто из нас никогда больше не согласится работать в службе тыла, по крайней мере, на период формирования новой миссии.

Зато через год на территории Боснии были открыты 59 полицейских станций, по дорогам страны патрулировали более 500 полицейских машин. Более 2000 полицейских из 42 стран мира, благодаря нашим усилиям, могли профессионально

исполнять свой долг.

Из наиболее ярких и в то же время жутких воспоминаний той поры в памяти остался образ горящего Сараево. По дейтоновскому соглашению о разграничении территорий, сербы должны были ряд районов в Сараево передать под полный контроль босняков (в обиходе называемых мусульманами). Срок выполнения этого пункта истекал в марте 1996 года. В этот период я был в Сараево и все видел своими глазами.

Врагу не пожелаю увидеть, как люди выкапывают надгробные памятники и плиты на могилах родных и близких, грузят их на телеги, машины, целыми семьями покидают свои дома, молятся, плачут, прощаются с каждым кустом и деревцем во дворе, а затем обливают все бензином и поджигают. Ооновские военные пожарные команды пытались выезжать на тушение этих пожаров, но сербы с оружием в руках не подпускали их к горящим домам. Люди уезжали навсегда из отчих домов, не верили, что когда-нибудь они или даже их дети смогут сюда вернуться, и поэтому сжигали за собой все мосты. Три дня над Сараево стояло красное зарево и в воздухе пахло пеплом.

После возвращения из своей второй миссии я давал интервью калининградскому телевидению. И сказал искренне о том, что увидел и понял за два года пребывания на Балканах. Все можно вытерпеть: экономический кризис, инфляцию, безработицу и грызню политиков за власть, -лишь бы не было гражданской войны. Потому что она идет везде и круглые сутки. Сосед боится соседа. Добрые приятели и сослуживцы, десятилетиями дружившие семьями, вдруг оказываются по разные стороны баррикад. Фронт проходит по улицам, домам, школам, больницам, магазинам, рынкам, дорогам, по семьям, дружбе, любви. И торжествует только один закон: прав тот, у кого больше калибр. В этой ситуации дети, женщины и старики всегда остаются бесправными.

Моя третья миссия, 1997-1998 года, проходила опять на территории Боснии. К тому времени гражданская война в основном уже отшумела и страна медленно залечивала полученные раны. Промышленность и транспорт по-прежнему не работали, но малый торговый бизнес уже набирал обороты. Мелкие магазинчики и кафе возникали на каждом углу и множились, как грибы после дождя.

Я получил назначение на юг Боснии, в город Мостар, где совместно с американским офицером Альбертом Хопкинсом возглавил подразделение по обучению и профессиональной подготовке местной полиции. Наше подразделение было первой единицей подобного типа в Боснии, так сказать, пробный шар. На

нас отрабатывались сразу два эксперимента. Во-первых, выяснялось, смогут ли русский и американец работать в одной упряжке, как партнеры, и, во-вторых пройдет ли на практике предложенная американским департаментом юстиции программа обучения и подготовки полиции для Балканского региона. Через 9 месяцев мы получили отличную оценку за результаты обоих экспериментов. Американцы говорили, что о нас с Альбертом была специальная передача по американскому каналу BBS. Я пытался достать ее видеокопию, но видимо, недостаточно настойчиво.

Наша работа с местной полицией в Мостаре протекала далеко не гладко. Город Мостар был разделен рекой на две приблизительно равные части, одну из которых контролировали боснийские хорваты, другую - мусульмане. Два моста были переброшены через реку. Перейти хорвату или мусульманину по мосту на противоположную сторону было равнозначно подписанию себе смертного приговора.

За полгода до нашего приезда в город там закончились бои, на фронтовой речной прибрежной линии не было ни одного целого здания. В ходе боев погибло много людей и с той и с другой стороны. Местная полиция была уже воссоздана (точнее 2 отдельных полиции), но была сформирована исключительно по этническому признаку и патрулировала исключительно свою этническую территорию, не особенно скрывая неприязнь к своим коллегам на противоположной стороне. Тем более, что еще полгода назад они смотрели друг на друга только через прорези прицелов. Были в полиции и уцелевшие в боях старые полицейские, но большинство составляла молодежь, не имевшая никаких знаний о полицейской работе.

В этих условиях нам предстояло усадить их совместно в учебные классы, заставить сотрудничать с друг другом и позднее сформировать единую смешанную и высокопрофессиональную городскую полицию.

Первая проблема: на какой стороне города проводить занятия и как обеспечить безопасность "гостей" с другой стороны, если они еще согласятся на такой риск. После долгих переговоров с обеими сторонами было решено проводить занятия попеременно в обеих частях города. Теоретически, на совместное обучение согласились обе стороны. Но на практике, люди по-прежнему боялись появляться в чужой части города, несмотря на то, что мы довозили их до дверей класса на своих ооновских полицейских машинах и гарантировали их безопасность в период занятий. Время от времени и полицейские руководители обеих сторон, руководствуясь какими-то своими политическими интересами,

или профессиональными амбициями, бойкотировали сотрудничество с противоположной стороной. Не раз и не два в таких ситуациях учеба останавливалась, достигнутые договоренности рушились, все затраченные труды и усилия повисали на волоске.

Но каждый раз, через тернии и шипы, с настойчивостью бульдозеров, где кнутом, где пряником мы усаживали их за стол переговоров и все начинали сначала.

Возникали трудности не только на уровне руководителей, но и в классах. Как правило, в начале обучения в классах стояла гробовая тишина. Хорваты и мусульмане за целый день занятий не говорили друг другу ни слова, сторонясь друг друга. Однако на пятый-шестой день они уже обменивались репликами, еще через пару дней вступали в дискуссии, а через две недели шли на перерывах вместе пить кофе. Так, шаг за шагом, мы пытались сближать их и психологически готовить к будущей совместной работе.

Но случались и гораздо более жесткие ситуации. Так в одном из классов к нашему преподавателю на перерыве подошел молодой хорватский полицейский, и, указывая на присутствовавшего в классе мусульманского полицейского, сказал, что этот мусульманин лично пытал его, когда в период военных действий он попал в плен к боснийцам. Он рассказал, что этот мусульманин лично в ходе пыток загонял ему иголки под ногти, и в доказательство показывал свои руки с изуродованными ногтями. Хорват предупредил преподавателя, что не может больше сдерживаться и наверняка убьет этого мусульманина прямо здесь в классе. Боснийца срочно удалили из класса и позже было начато следствие в отношении его причастности к военным преступлениям.

Наши преподаватели слышали от своих подопечных в ходе занятий немало подобных историй. Тем почетнее заслуга наших ребят в том, что мы все-таки довели дело до конца, закончили обучение полиции обеих сторон и при нас они выпустили в город на работу первые совместные патрули.

В период работы в Мостаре нам с Сергеем Шипиловым случалось и немного попутешествовать по окрестностям. Так мы побывали с ним в подземных карстовых пещерах протяженностью более 3 км, видели вытекающую из горы полноводную реку с холодной-прехолодной даже в середине лета водой. На реке располагалась маленькая фабрика по выращиванию форели. Забрались мы с ним и на гору, на которой, как утверждает молва, в 1981 году шестерым детям явилась в человеческом обличье и долго с ними беседовала Дева Мария. С той поры район этой горы

стал Европейской Меккой для католиков всего мира, а рядом расположенная деревенька Междугорье стала превращаться в фешенебельный религиозный центр, принимающий до миллиона паломников в год. И все же, основное свободное время мы с Сергеем посвящали шахматам, до которых были всегда большие охотники.

К сожалению для меня и к счастью для российского контингента, в конце 1997 года Сергей подал документы на участие в конкурсе на замещение очень высокой должности в главном штабе миссии в Сараево. И достойно выиграл этот конкурс, обойдя с полсотни кандидатов из других стран. Сергей стал специальным помощником заместителя Комиссара (командира полицейскими ооновскими силами) в Боснии. Российский контингент получил в его лице мощную информационную и служебную поддержку. На тот период из российских миротворцев еще никто не забирался так высоко по служебной лестнице в структуре полиции ООН. И не случайно вскоре он стал Командиром российских миротворцев в Боснии. Я искренне порадовался за друга, хотя и потерял эмоционального шахматного партнера.

В марте 1998 года и я получил новое назначение - командир полиции ООН в регионе Брчко на северо-востоке Боснии. В мое подчинение попали 11 станций международной полиции, около 300 полицейских из 38 стран мира, обслуживавшие около 900 квадратных километров территории Боснии.

На этом посту я провел 9 месяцев, до 13 декабря 1998 года, официальной даты окончания своего полуторагодичного пребывания в третьей миссии. Я был и участником, и организатором огромной массы событий, описание которых могло бы составить отдельную книгу. Достаточно сказать, что дважды я своим решением проводил частичную эвакуацию подчиненного персонала из районов предполагаемых конфликтов. Был обвинен некоторыми руководителями полиции ООН в Боснии в провоцировании политической напряженности в подконтрольном районе и, за малым, не снят с должности. Но время показало мою правоту, и комиссар (командир) полиции ООН в Боснии официально поддержал мои действия, продиктованные опытом двух миссий и заботой о безопасности вверенных под мою ответственность людей.

Были у меня встречи и с делегацией палаты лордов английского парламента, и с конгрессменами США, и с работниками различных посольств, многочисленными журналистами со всего мира. Лично случилось присутствовать на встрече с Секретарем НАТО Хавьером Соланой, с госпожой

Маргарет Тетчер и другими видными политиками.

Потом была миссия в Косово, где мы, русские, каждый день проходили сквозь ненависть окружавших нас албанцев, как сквозь терновые заросли. В главном штабе этой миссии я занимался созданием косовской местной полиции, и, главным образом, ее материально-техническим и финансовым обеспечением. Для этого, по всему миру мы закупали для 4000 косовских полицейских технику и оборудование. Форму - в Дании, наручники, дубинки, фонарики и радиостанции - в Америке, компьютеры - во Франции, пистолеты и патроны - в Австрии, машины - в Словении и т.д. Интересная, живая и очень необычная работа, нацеленная на одно: создание и обучение полиции, которая будет профессионально защищать всех людей, независимо от их национальности и вероисповедания.

Сейчас я дома, в коротком отпуске. Но мои друзья продолжают миротворческую работу и на Балканах, и в Восточном Тиморе и в других горячих точках планеты. Я регулярно связываюсь с ними по Интернету. И в конце каждого послания желаю им одного и того же - достойно выполнить свой долг и живыми и здоровыми вернуться домой.

Верю, что так оно и будет.

Об авторе

Вячеслав Воробьев.

Подполковник милиции. Штатная должность - преподаватель учебного центра УВД Калининградской области.

С 1 августа 1992 года по настоящее время проходит службу в составе российского контингента полицейских миротворческих сил в Югославии.

Прошел ступени от командира международной полицейской станции (аналог райотдела милиции) до специального помощника заместителя комиссара (командира) международных полицейских сил ООН - командира российского полицейского контингента в Косово.

В 1994 году, в перерыве между командировками в Югославию, командовал сводным отрядом Калининградской милиции в зоне конфликта Северная Осетия-Ингушетия.

Награжен орденом "За личное мужество", медалями и почетными знаками МВД России, тремя медалями ООН "За службу миру".